

УДК 82

ГОРОДСКАЯ ОКРАИНА В РАННИХ РАССКАЗАХ М. ГОРЬКОГО

© 2009 г.

Н.Ю. Толмачёва

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

fond@fil.unn.runnet.ru

Поступила в редакцию 10.07.2009

Освещена проблема изображения городских окраин в малой прозе Горького, проанализировано художественное пространство города, показано влияние городской среды на человека.

Ключевые слова: босяк, город, окраина, улица, ночлежка.

Тема Нижнего Новгорода — одна из ведущих в творчестве Максима Горького, но в урбанистическом аспекте она мало изучена и, по мнению профессора В.Т. Захаровой, представляет «самостоятельный, далеко не исследованный материк» [1, с. 42–43]. В ряде работ мы касались этой проблемы [2; 3], в данной же статье хотелось бы остановиться на изображении городской окраины в рассказах и очерках молодого Горького, с чего, в сущности и начиналось его становление как писателя-урбаниста.

Городская окраина показана во многих ранних произведениях Алексея Максимовича, таких как «Бабушка Акулина» (1895), «Дележ» (1895), «Озорник» (1897), «Супруги Орловы» (1897), «Бывшие люди» (1897), повесть «Трое» (1900), драма «На дне» (1902). В них угадывается топография нижней, окраинной части родного города писателя, где на узкой полоске приволжской земли по соседству с бесконечными складами, пристанями теснятся узкие улицы, застроенные незатейливыми деревянными жилищами обывателей, доходными домами с заселенными подвалами, с грязными, захлапленными дворами, торговыми лавками, трактирами, кабаками, ночлежками для босяков, публичными заведениями.

«Бабушка Акулина» — один из первых очерков Горького-урбаниста. В нем с документальной точностью повествуется о последних днях жизни его родной бабушки Акулины Ивановны Кашириной. На окраине Нижнего Новгорода, в одном из подвалов Задней Мокрой улицы, в страшной бедности, среди босяков провела она последние годы своей жизни. По признанию писателя, «бабушка Акулина была филантропкой Задней Мокрой улицы» [4, с. 368]. От милостыни, собранной Акулиной Ивановной, кормились пьяницы, босяки, воры, проститутки, обитавшие на этой улице.

Название улицы — народное. Она располагалась за Мокрой улицей (тоже народное название), которая шла по Почаинскому оврагу на месте некогда бежавшей по его дну речки Почайны. Труба, в которую «заклучили» речку, часто протекала, и вода выбивалась на поверхность — отсюда и название. Впоследствии на месте Задней Мокрой улицы был построен винный завод, а Мокрая улица стала именоваться Почаинской.

Литературовед С.А. Коновалова в одной из статей [5] отнесла рассказ «Бабушка Акулина» к так называемому «казанскому циклу», с чем мы не можем согласиться, так как это произведение автобиографического характера и бабушка писателя никогда не жила в Казани. Исследовательница допустила неточность, утверждая, что бабушка Акулина «тоже жительница Мокрой улицы» [5, с. 276], тогда как Горький в упомянутом выше рассказе называет Заднюю Мокрую улицу. А это не одно и то же. Видимо, Коновалова отождествила Мокрую улицу, которая никакого отношения к Казани не имеет, с Мокрой слободой — одним из районов старой Казани. Таким образом, рассказ «Бабушка Акулина» написан на нижегородском материале.

В конце XIX века немало подвалов окраинных улиц Нижнего Новгорода было заселено нищими. На Мокрой улице, в подвале старого и грязного дома купца Петунникова, живут главные герои рассказа Горького «Супруги Орловы» — Григорий и Матрена. Их жилище представляло собой большую, продолговатую темную комнату со сводчатым потолком, с большой русской печью и двумя окнами, выходившими во двор. Свет едва проникал в подвал, и поэтому в комнате всегда было сыро, «глухо и мертво». В подвал вела крутая полусгнившая лестница, по которой было небезопасно ходить. Жизнь этой семьи тоже можно назвать «тем-

ной». Сапожник Орлов часто избивал свою жену, причем очень жестоко. Соседи по двору давно привыкли к крикам Матрены, доносившимся из подвала. Эти битвы между супругами были для них своего рода развлечением. Услышав крик, любопытные жители выбегали во двор и с удовольствием слушали рассказ «вестника» дворовых новостей подростка Сеньки о подробностях драки. А особенно нетерпеливые сами припадали к окнам подвала Орловых и наблюдали за происходящим. И никто, ни один человек не сочувствовал избитой Матрене. Пьяные драки в семьях считались в порядке вещей, и подрастающее поколение с детства созерцало подобно рода сцены.

Неприглядным был и двор этого дома. Застроенный деревянными, покосившимися от времени службами, окруженный высокими стенами, он казался глубокой ямой и вызывал своим видом подавленное состояние у проживающих в нем людей. Не отсюда ли у Григория непроходящее чувство злобы на жизнь, на весь мир и на свою жену?

Городская окраина в рассказе «Супруги Орловы» представлена не только двором, домом и подвалом купца Петунникова, но и бытом ее обитателей. Бесцельность существования вызывает у Григория чувство недовольства жизнью. Сапожник Орлов говорит своей жене, что пьет и дерется от тоски, не оттого, что живут они в яме, а потому, что сама жизнь их — яма. У героев появилась возможность выбраться из душного подвала и начать новую жизнь, Матрене это удастся, а Григорию — нет. Губит его кабаки, каких было множество в городе. Едва ли не в каждом раннем рассказе Горького упоминаются кабаки или трактиры. С описания кабака начинается рассказ «Как поймали Семагу» (1895). Это заведение представляло собой подвал с каменным сводчатым потолком, который освещался всего тремя лампами. В кабаке постоянно курили, и в тучах дыма были едва видны посетители. Одни ругались, другие возбужденно разговаривали, иные громко пели. Все чувствовали себя вольно, никто ни с кем не считался. В рассказе «Госка» (1896) Горький показывает «грязный, тесный, пахучий» трактир, наполненный босьяками. Его посетители «странно разбросаны по большой закоптелой комнате, и никто не обращал внимания друг на друга» [4, с. 136].

Как видим, кабаки и трактиры не объединяют людей, находящихся под одной крышей, а разобщают их, там каждый сам по себе. Особенно много кабаков и трактиров было на городских окраинах. Самый ужасный образ по-

добного заведения, безусловно, в рассказе «Супруги Орловы»: «Внутренность кабака возбуждала представление о какой-то пасти, которая медленно, но неизбежно поглощает одного за другим бедных русских людей, беспокойных и иных <...>» [6, с. 277]. Рассказ, заканчивается не просто меткой характеристикой кабака, но еще и многоточием, которое может быть истолковано как выражение полной безысходности и неотвратимости гибели людей от этого своего рода молоха, беспощадного к судьбе простого человека.

С описания окраинной части города начинается рассказ «Бывшие люди» (1897): «Въезжая улица — это два ряда одноэтажных лачужек, тесно прижавшихся друг к другу, ветхих, с кривыми стенами и перекошенными окнами; дырявые крыши изувеченных временем человеческих жилищ испещрены заплатами от лубков, поросли мхом; над ними кое-где торчат высокие шести со скворешницами, их осеняет пыльная зелень бузины и корявых ветел — жалкая флора городских окраин, населенных беднотою» [6, с. 278]. Этот унылый пейзаж имеет социальную окраску. Для создания образа окраины автор использует эмоционально-сниженную лексику: «кривыми», «перекошенными», «заплатами», «жалкая», «беднотою»; слова разговорного стиля: «дырявые», «изувеченных», «торчат», «корявых» и слова-характеристики: не дома, а «лачужки» и «жилища». Судя по описанию, городским властям не было никакого дела до жителей окраины. Создается впечатление, будто город сбрасывает в дожди на окраину не только воду и грязь, но и «уродливые домики кажутся <...> сброшенными оттуда, сверху, сметенными, как мусор, чьей-то могучей рукой.

Приплюснутые к земле, они усеяли собой всю гору, полугнилые, немощные, окрашенные солнцем, пылью и дождями в тот серовато-грязный колорит, который принимает дерево в старости» [6, с. 279]. Слово «домики» вместо «дома» писатель употребляет в уничижительном смысле. Эпитеты «уродливые», «полугнилые, немощные» говорят о непригодности этих лачуг для проживания.

Убогости окраины повествователь противопоставляет город: «Вверху, на горе, в пышной зелени густых садов прячутся красивые каменные дома, колокольни церковей гордо вздымаются в голубое небо, их золотые кресты ослепительно блестят на солнце» [6, с. 278]. Для описания города художник использует возвышенную лексику: «пышной», «красивые», «гордо», «ослепительно». «Серовато-грязному колориту» окраинных построек Горький противопоставля-

ет зеленый, голубой и золотой цвета города. Это произведение построено на антитезе города и его окраины, которая проявляется во всем: в расположении их территорий, в их санитарном состоянии, в быту и досуге обитателей и в их социальном положении.

Есть в рассказах «Бывшие люди» и «Супруги Орловы» нечто общее – изображение дома купца Петунникова, расположенного на Мокрой улице [6, с. 263], которая, как отмечено выше, была одной из окраинных улиц старого Нижнего. Значит, «Бывшие люди» написаны на нижегородском материале. Но полностью считать этот рассказ «нижегородским» нельзя, так как в нем «нашли отражение казанские встречи и впечатления писателя 1885–86 г.г.» [6, с. 577]. И прототипы босяков, безусловно, казанские. Оказывается, Задняя Мокрая улица была и в старой Казани [6, с. 577]. Видимо, в этом рассказе произошло художественное совмещение двух пространств.

Все события в «Бывших людях» происходят во дворе дома купца Петунникова, который был крайним в ряду домов Въезжей улицы. «Выброшенный из города под гору <...> большой старый дом имел самую мрачную физиономию среди своих соседей. Весь он покривился <...>».

Простенки между окон испещряли трещины и темные пятна отвалившейся штукатурки <...>. Крыша, наклонившаяся на улицу, еще более увеличивала плачевный вид – казалось, что дом нагнулся к земле и покорно ждет от судьбы последнего удара, который превратит его в бесформенную грудку полугнилых обломков» [6, с. 278–279]. Дом был уже нежилой. Не лучше был и двор с сорванными с петель воротами и заросший густой травой. В заброшенной кузнице, которая находилась в глубине двора, функционировала ночлежка, содержащая отставным ротмистром Кувалдой. Внутри помещение представляло собой «длинную, мрачную нору, размером в четыре и шесть сажен; она освещалась – только с одной стороны – четырьмя маленькими окнами и широкой дверью. Кирпичные, нештукатуренные стены ее черны от копоти, потолок, из барочного днища, тоже прокоптел до черноты; посреди ее помещалась громадная печь, основанием которой служил горн, а вокруг печи и по стенам шли широкие нары с кучками всякой рухляди, служившей ночлежникам постелями. От стен пахло дымом, от земляного пола – сыростью, от нар – гниющим тряпьем» [6, с. 279]. И в этой непригодной для жизни атмосфере ютились босяки, так называемые «бывшие люди». Все ночлежники одинаково ненавидят купца Петунникова и ме-

жду собой называют его Иудой. Петунников сдал кузницу Кувалде внаем и рядом начал строить завод. Окруженное лесами здание свечного завода вызывало у них такую же ненависть, как и хозяин. Особенно ненавистно оно было Кувалде: «Красное, точно кровью обмазанное, оно походило на жестокую машину, еще не действующую, но уже разинувшую ряд глубоких, жадно зияющих пастей и готовую что-то жевать и пожирать» [6, с. 306]. Этот своего рода молох является символом беспощадной эксплуатации Петунниковым и ему подобными богачами загнанных на окраины обездоленных людей. Но не безропотных босяков показал Горький в этом рассказе, а мыслящих, философствующих, объединенных Кувалдой обитателей ночлежки, которые пользовались авторитетом среди жителей окраины и с которыми считались порой даже городские власти. Чаще всего ночлежники соприкасались с другими жителями окраины в расположенном в этом же дворе трактире Вавилова, который «был клубом Въезжей улицы, а бывшие люди – интеллигенцией клуба» [6, с. 299].

В самом начале творческого пути писатель романтизирует босяков, так как многие из них имели природную гордость, выказывали своим поведением презрение к роскоши и деньгам и больше всего ценили свободу. Горький показал, какими путями попадали люди на дно жизни, как оседали на этой городской окраине и становились босяками до конца своих дней. Население окраины увеличивалось не только за счет городских жителей, но и за счет людей, прибывающих из деревни. И жила окраина своим микромиром, отличным от жизни города. Здесь были свои авторитеты, свои жизненные устремления. Застройка окраинных улиц тоже отличалась от архитектурного облика улиц города. Горький обращает внимание на особенности городской застройки в рассказе «Колокол» (1895): «Утопавший в зелени город, при взгляде на него сверху, производил странное впечатление: казалось, что некогда он стоял на вершине горы и чьей-то силой был сброшен вниз с нее.

Смятенная толпа однообразных домиков ринулась под гору и остановилась в хаотическом беспорядке, удержанная и разъединенная деревьями и кустами, покрывавшими гору веселой, живой массой.

На пышном ярко-зеленом фоне тут и там сквозят темные пятна крыш и стен. В центре их стройно вздымается кверху колокольня <...> городской церкви; металлический крест ее, отражая лучи солнца, сияет над плененным городом, как маяк, указывающий его жителям

пункт, к которому они должны стремиться» [4, с. 417]. Итак, автор показывает не обычный город, а «плененный», состоящий из «смятенной толпы» домов. Вряд ли уютно жилось в этом городе людям. В рассказе прослеживается мысль автора об отторжении простого человека городским пространством, ведь в таких жилищах обитала беднота. Сброшенные вниз домики символизируют крушение жизни. «Плененный город» в данном случае символизирует окраину, из которой не могут вырваться попавшие в эту среду люди и потому вынуждены влачить жалкое существование. Не закрыта для них только дорога в храм. Город в этом рассказе не просто место действия, а сила, «указывающая» людям путь, которому они должны следовать, сила, управляющая судьбой человека.

В картинах городских окраин из рассказов «Колокол» и «Бывшие люди» есть общая деталь – выброшенные под гору дома, причем выброшенные «чьей-то силой» и «чьей-то могучей рукой». И эта сила направлена против обездоленного человека.

Картина городской окраины нарисована также в рассказе «Дележ» (1895), где упоминается дом трудолюбия, который побывавший в нем мальчик сравнивает с тюрьмой. И город, представленный в рассказе, холоден и неуютен, с узкими улицами, которые вечером не освещались: «От церкви на площадь падала большая и густая тень <...>. Отошла всеночная <...> и темные фигуры людей <...> пропадали в улицах – пяти узких каналах, выходивших на площадь» [4, с. 247].

Итак, перед нами не улицы, а узкие каналы, где горожане «пропадали» в мрачном пространстве, окруженном «тяжелыми зданиями, холодно смотревшими друг на друга светлыми пятнами окон, похожими по своему тусклому блеску на глаза слепцов» [4, с. 250]. Автор не называет город, в котором происходит действие. По всей видимости, он стремится дать обобщенную картину окраин усредненного провинциального российского города конца XIX века. И все же мы можем предположить, что события рассказа разворачиваются в родном городе писателя. Один из персонажей спешит на Полевую улицу. Эта старинная улица упоминается Горьким и в других произведениях, в том числе в автобиографической повести «Детство». К тому же описание площади с храмом в окружении узких улиц напоминает бывшую окраинную площадь Скобу, с храмом Иоанна Предтечи, и отходящими от нее маленькими узкими улочками.

В рассказе «Дележ», как видим, человек подавлен видом «тяжелых зданий». В рассказе

«Тоска» Горький пишет о «тяжелом запахе города», дурно влияющем на настроение людей. Город в этих произведениях предстает символом некоей давящей силы, незримой, но ощущаемой людьми, живущими на окраине.

Место обитания босяков, так называемый Шихан, Горький описывает в рассказе «Каин и Артем» (1898). На Шихане жила «городская голь и рвань – разные «забракованные люди». «Шихан – узкая улица, застроена старыми, высокими домами; в них помещались ночлежки, трактиры, хлебопекарни, лавки с бакалеей, старым железом и разной рухлядью; их населяли воры и приемщики краденого, мелкие торгаши и торговки съестным. В этой улице всегда было много тени, много грязи и пьяных; летом в ней всегда стоял густой запах гниения и перегорелой водки. Солнце, точно боясь осквернить свои лучи грязью, только ранним утром осторожно и ненадолго заглядывало в эту улицу» [7, с. 79]. Описание этой улицы, а также ее местоположение очень напоминает многие узкие улочки старой нижегородской окраины. Из рассказа следует, что улица пролегла по склону горы, недалеко от берега большой реки. «Хаос звуков вихрем носился в узкой канаве улицы, разбиваясь о грязные стены ее зданий» [7, с. 79]. Трудно представить, как в этой «узкой канаве улицы» смогли разместиться все перечисленные выше заведения, но вполне понятно, как ощущали себя живущие там люди.

Как видим, городская окраина, представленная Горьким в ранних рассказах, являет собой безрадостную картину: засоренные дворы и подвалы, непригодные для проживания, узкие грязные улицы, улицы-канавы, жалкие перекошенные лачуги, кабаки и трактиры, распахнувшие двери-пасти для своих бесчисленных жертв. В целом окраина в изображении писателя предстала гибельным для человека местом.

Список литературы

1. Захарова В.Т. М. Горький – урбанист провинциальной России // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи: Материалы Международ. конф. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2006. С. 37–45.
2. Толмачева Н.Ю. Образ Нижнего Новгорода в раннем творчестве А.М. Горького // Максим Горький – сегодня: проблемы эстетики, философии, культуры: Материалы Международ. конф. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 1996. С. 290–94.
3. Толмачева Н.Ю. Нижний Новгород и нижегородцы в малой прозе раннего М. Горького // Человек и мир в творчестве М. Горького: Материалы Международ.

конф. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2008. С. 211–217.

4. Горький М. Собрание сочинений: в 25 т. Т. 2. М.: Наука, 1969. 655 с.

5. Коновалова С.А. Казань в творчестве Максима Горького и Льва Толстого // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи:

Материалы Междунар. конф. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2006. С. 275–281.

6. Горький М. Собрание сочинений: В 25 т. Т. 3. М.: Наука, 1969. 600 с.

7. Горький М. Собрание сочинений: В 25 т. Т. 4. М.: Наука, 1969. 373 с.

CITY OUTSKIRTS IN GORKY'S EARLY STORIES

N.Yu. Tolmacheva

The problem of reflection of city outskirts in Gorky's short prose is considered. The art space of the city is analysed; the influence of the city environment on a person is demonstrated.

Keywords: tramp, city, outskirts, street, overnight home.